

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ИСТОРИИ РУССКОГО СТИХОВЕДЕНИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Традиционный нарратив об истории изучения русского стиха, представленный, например, в «Современном русском стихе» М. Л. Гаспарова (1974), предлагал рассматривать стиховедение как дисциплину, постепенно приближающуюся к «позитивной науке» путем отсеивания всех радикальных и «субъективных» теорий. В 1960–1970-е годы, когда математизация гуманитарного знания, виделась одной из наиболее захватывающих научных перспектив, а русская теория стиха лежала в руинах после борьбы с формализмом в 1930-е, такой подход позволил сначала вернуть интерес к стиховедческой проблематике, а затем и вообще сделать теорию стиха одной из наиболее прогрессивных областей в смысле приближения к идеалу точного знания. Даже сейчас, спустя полвека после книги Гаспарова, «русский метод», как позднее стали называть квантитативный и статистический подход к изучению стиха, не вполне исчерпал себя, найдя преемника в бурно развивающихся *digital humanities*.

Однако параллельно с квантитативным подходом в мировой науке о стихе развивалась такая версия теории стиха, которая была в большей мере связана с теоретической лингвистикой и которая — так же, как и стиховедение, только несколько раньше — пережила радикальную математизацию благодаря влиянию структурализма. Но если идеалом для «русского метода» была статистика, предполагающая обработку большого количества данных, то для лингвистического структурализма таким идеалом служила скорее теория множеств (и основанные на ней алгебра и топология) — как наука о комбинациях различных (абстрактных) сущностей друг с другом. В том числе и поэтому русское стиховедение развивалось «интенсивно», уходя все дальше вглубь частных проблем стиха конкретного периода или эпохи, а европейское и американское — «экстенсивно», предпочитая сравнивать друг с другом различные национальные традиции и типы стихосложения, а также пытаясь выделить в них общее и различное. Отсюда и широкое распространение в структуралистском стиховедении метрической типологии — субдисциплины, стремящейся прийти к общим основаниям стиха независимо от конкретного языка или системы стихосложения (в широком диапазоне от привычной европейской силлабики и тоники до сомалийского аллитерационного стиха). Конечно, такое движение было не вполне линейным, и в «Очерке истории европейского стиха» Гаспаров также пытался построить типологию европейского стиха, привлекая, в

том числе, и квантитативные методы, однако после этой во всех отношениях выдающейся работы русские стиховеды практически не ставили перед собой широкие типологические задачи.

Тем не менее в 1920-е годы, когда русское стиховедение еще не знало, что будет почти полностью квантитативным, поиски шли в том числе и в этом направлении. В целом эта эпоха до сих пор в равной степени поражает как разнообразием предлагаемых подходов к стиху и пронизательностью отдельных замечаний, так и неспособностью сформулировать достаточно последовательную теорию стиха в целом. Можно сказать, что у этой теории тогда было две основные траектории, которые, однако, нередко переплетались, порождая разные гибриды: первая существовала в русле всеобщего увлечения звучащим словом и, что не менее важно, в контексте стремительного развития звукозаписи, предлагая идти в сторону звучащего стиха и извлекая из его акустических особенностей общую теорию версификации; вторая в большей степени понимала структуру стиха как существующую саму по себе, независимо от того, каким образом тот или иной стих озвучивался, и в большей мере осознавала поэтическое слово как языковую универсалию, независимую от конкретной звуковой реализации.

К первому направлению относилась нашумевшая в свое время тактометрическая теория, разные варианты которой развивали в своих работах А. П. Малишевский, А. П. Квятковский и И. Л. Сельвинский: уже по этому ряду имен видно, что она была связана с Литературным центром конструктивистов и во многом обслуживала те новации в стихосложении, которые стремились закрепить близкие к центру поэты. Второе направление было представлено внешне более традиционными работами Андрея Белого, В. Я. Брюсова, В. А. Пяста, В. М. Жирмунского, Б. В. Томашевского, С. П. Боброва — видно, что эти теоретики были близки либо к символистам, либо к ОПОЯЗу, и хотя многие из них сами были активными участниками литературного процесса, они, в отличие от «тактометристов», за редким исключением не использовали стиховедческие аргументы в литературной полемике. Если второе направление признавалось гаспаровской школой, то большинство идей первого было, напротив, ею отвергнуто, хотя следы пристального внимания к этому кругу идей остались и в постановке исследовательских вопросов, и в терминологическом аппарате: так, понятия «дольник», «тактовик» и некоторые другие, равно как и сама попытка разграничить эти неклассические типы стиха, — прямое наследие расцвета стиховедческих теорий 1920-х годов.

Таким образом, за бортом современного стиховедения оказалась и леймическая теория Г. А. Шенгели, и метротоника А. П. Малишевского, и тактометрическая теория А. П. Квятковского — И. Л. Сельвинского; последняя, однако, долго сохраняла свои позиции за счет «Поэтического словаря» (под редакцией Квятковского), который пользовался большой популярностью — правда, скорее среди практиков, нежели теоретиков стиха. Однако новая волна интереса к метрике в мировой науке, во многом вызванная влиянием фонологии, заставляет отчасти пере-

смотреть такое положение дел. Нельзя не обратить внимание, что подходы, используемые в современной метрической типологии, обнаруживают разительное сходство именно с теми теориями, которые были отвергнуты гаспаровской школой: генеративная и деривационная метрики во многом приходят к тем же вопросам, которые ставили перед собой теоретики 1920-х годов: что общего между стихом различных национальных и версификационных традиций? Существуют ли универсалии, характерные для стиха как такового, и базовые элементы, из которых строится любой стих? Каковы общие метрические принципы стихосложения? Таким образом, исследование альтернативных, то есть не принятых гаспаровской школой теорий стиха первой половины XX века, предполагает не только интеллектуальную археологию понятий русского стиховедения, но и выработку нового инструментария, созвучного поискам современной науки о стихе. В этом контексте ранние теории русской метрики вполне могут оказаться тем самым камнем, который отвергли строители (но что с ним было потом, мы помним).

*Приглашенные редакторы-составители раздела
К. М. Корчагин, В. А. Плунгян*